

Р. П. Чернов

ОТЧАЯННАЯ МУДРОСТЬ

ЛЮДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Р. П. Чернов

**Отчаянная мудрость.
Людологические записки**

«Издательские решения»

Р. П. Чернов

Отчаянная мудрость. Людологические записки / Р. П. Чернов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938226-9

В настоящей работе автором предпринята попытка изучения феноменологии творчества с помощью людологического метода познания. Понимая человека как систему равновесия идеального и реального (мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли), автор, принимая за аксиому людологическую методологию, рассматривает, как те или иные парадигмы бытия человеческого зависят в своем существовании от творческой функции.

ISBN 978-5-44-938226-9

© Р. П. Чернов
© Издательские решения

Содержание

1	6
2. Почему бы и нет?	8
3. Существует только то, что названо	9
4. Об именной культуре	10
5. О дифференциации восприятия сущего	11
6. О счастье	12
7. Притча	14
8. О принятии решений	15
9. У сгоревшей купины	16
10. Из методологического	17
11. Чудо театра жизненного	18
12. О значении времени и пространства	20
13. О смерти	21
14. О природе честности	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Отчаянная мудрость Людологические записки

Р. П. Чернов

Иллюстратор Микеланджело Меризи (Караваджо)

© Р. П. Чернов, 2020

© Микеланджело Меризи (Караваджо), иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8226-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Биологическая жизнь существует в движении. Форма этой жизни – движение. Оно в свою очередь существует в состоянии вечного запроса регулятора, исключающего механическую конкуренцию за время и пространство. Данным регулятором выступает игра. Игра разбивает движение вообще на отдельные формы, – законы биологической жизни, законы Игры.

Применительно к человеку следует отметить сферу действия, но это не так правдиво, как кажется на первый взгляд. Следует оговориться, что игра присутствует везде как заданная величина, более того именно она формирует все, но, формируя что-либо, не прекращает своего существования. Иными словами, игра – это формирующая субстанция, именно игра преобразует материю в форму. Существует лишь только то, что имеет форму игры, а следовательно и то, что обозначено игрой, сформировано в поле значения игры. Игра – заданная величина, которая неизменно присутствует во всем. Именно игра формирует из движения действие, приписывая ему значение, из физики возможности – пространство, из протяженности сознания – время.

В этом мире говорить об устройстве весьма легко в зависимости от стиля повествования. Философия, всегда, например, учила нас, как должно быть, философия была рождена в эпоху великих преобразований и, скорее всего, в представлении людей того времени она и была инструкцией к действию, как еще можно управлять необратимостью – только заставляя ее желать формы, которой еще нет. Потом человек сильно измельчал, он уже перестал приписывать себе способность к преобразованию, – только к следованию, сохранению существующего в области действительного. Это прекрасно гармонировало с тем, что есть мир и *как* он должен быть для общества. При этом причинность здесь всего лишь количественного свойства, обычный переход количества в качество. Когда рождается удивление в отношении чувственного, когда человек, измеряя свою жизнь и измеряя жизнь того института, в котором существует, понимает свою ничтожность, при том, что все преобразовательные механизмы в нем ориентированы именно на чувственное опознавание, приходит конец духу одного перед бытом миллионов. Так, мы еще недооцениваем значимость Рима для формирования мира сегодняшнего. Империя при средней продолжительности жизни человека в 30- 40 лет, просуществовавшая более 7 веков и не в рамках преемственности и сохранения формы, а именно как активная моноформа, поглощающая все ей не свойственное, и существующее намного дольше ее самой. Культура, в которой игровое было доведено до предела, практически не имея понятия антипода серьезности, антипода *не игрового*... Такова была слава Рима.

Иногда оценить то, что называется преступлением можно только индивидуально. Представьте себе преступника, убивающего в самое себя все человеческое, все то, что удерживает его от преступления только ради того, чтобы достичь *элемента* продвижения к собственной цели; даже не самой цели. Что должен он чувствовать как человек? Здесь муки человеческого становятся настолько невыносимы, а голос совести настолько требователен, что остается только один проверенный способ уберечься – изжить в себе человека, сформировать нечто, что будет признано тобою неизбежно большим, чем просто человеческое. И если хватает сил структурного и изобразительного, это происходит вполне безболезненно и становишься сильнее, но, если все в тебе еще от человека – рискуешь повторить опыт Раскольникова- зеркала души Достоевского- станешь сам доказательством своего преступления. Одно при этом придется сделать в любом случае – выйти за «круг человека», убедиться в неизбежности влечения к преобразованию. Изменять и порицать, и делать это так, чтобы изменять...

Муки всегда есть, и мучение всегда есть неизбежность мыслительного и действительного, само по себе действительное складывается, как последствие осознанных действий и от того,

как и в каком объеме они осознаны, и каким образом, зависит то, насколько существует признаваемая действительность- основа мотива дальнейшего действия.

Есть области, в которых нет доступных тебе врагов только потому, что ты недоступен для них, но в мире людей так же необходимо действовать с целью обнаружения собственно власти в области результатов мысли. Что же должно быть в этом отношении для нас и после нас? Мы уже не то, как нас знают и потому не ценим мы все то, что можно было бы назвать достоинством, само слово претит нам в мысли своей. Спокойствие – лишь форма реакции *общественного преступника* на возможность своего близкого разоблачения. В особенности четко это понимаешь, когда уголовное право той или иной страны строит оценку преступления на основе понимания общественной опасности – мы становимся самыми опасными для них, но так как не ущемляем истинного критерия общественного – частного интереса, являемся в то же время и самыми неуязвимыми. Это необходимо понимать раньше, чем садиться в тюрьму.

Ужас сковывает все наше состояние в момент познания глубины самое себя, в момент осознания противоречия самое себя в зеркале повседневного.

В сегодняшних условия уже не приходится говорить об унифицированной форме усечения противоречий *бытия в возможности* (БВВ) в обществе на основе единственно должных представлений о честности, морали или нравственности. Сегодня мир представлен достаточно дифференцированным полем весьма различных форм игр, в каждой из которых существует своя система снятия противоречий для реализации надлежащего бытия в возможности. И, если раньше (500- 600) лет назад, разница компенсировалась с помощью достаточно общих необходимых коллективных потребностей, то сегодня сфера реализации *общественного БВВ* (ОБВВ) все более индивидуализируется. Стадное ОБВВ уже не нуждается в стадном субъекте реализации- мозги отдельно взятого человека уже не мыслимы вне общественных канонов и поэтому можно быть сегодня абсолютно одиноким, революционным, анархичным и все равно обслуживать определенное общественное бытие в возможности.

Такие понятия как добро и зло достаточно персонифицированы и подогнаны сегодня, чтобы можно было пользоваться ими как определенными общими внеличными мотивами поведения. Сейчас для нравственной оценки необходимо знание конкретно каждого случая, вернее, той общности случаев, которая и образует исследуемую сферу. Формальная причина все более определяет материальную.

2. Почему бы и нет?

Любая биологическая форма обретает свое существование в динамике, который наш язык связывает с понятием движения. С этой точки зрения не существует различия между нами людьми и прочими предметами биосферы, вообще всю проблему бытия можно свести к популярному построению схемы мира и тогда она отпадет сама собой. Но человеку этого недостаточно, ибо ему необходима гарантия своего существования в этом мире. И здесь нам необходим исторический критерий оценки бытия, которого мы до сих пор, к сожалению, не находим, подменяя его системой исчисления времени. Единственно возможным выходом в этой ситуации видится обращение к игре как достаточному основанию. Желаем мы того или нет, но игру мы обнаруживаем в любой сфере нашей деятельности, так почему бы не взять ее за критерий оценки бытия?

3. Существует только то, что названо

О чем мы *не знаем*, то, что не может даже *восприниматься* через чувства, не существует для нас. Это верно, как в отношении зрения (если я не видел его, я его и не увижу и не знаю), если я не слышал, я и не услышу – например, иностранный язык. Именно этим обусловлены различные миры людей разных профессий и необходимость общего в мысли. Так, при первичном прослушивании ряда непонятных мне иностранных слов, в отрыве от ситуационного игрового контекста, в котором они рождены я не понимаю ничего, но только после того, как мне обрисовали БВВ, содержащиеся в данной форме (иностранные слова), при повторном прослушивании происходит реализация и результат соответственно – понимание (соответствие БВВ энтелехии, полем которой являюсь я, сам желающий обучаться, обладающий уже встречностью, но не подобием в отношении чужеродного мне языка, – сложение данных качеств на отношение длительного периода времени формирует то, что называется волей). И как результат реализации воли – рождение представления, того, что будет в дальнейшем для меня целевой причиной желаемого бытия участия.

4. Об именной культуре

В архаике человек определялся именем, он зарабатывал себе БВВ, и оно уже на протяжении всей жизни реализовывалось в действительность в качестве навыка, формы определенной игры. Не личность, а образы. Но в соответствии с дифференциацией БВВ появилось неограниченное количество вариантов поведения. Теперь бытие в возможности подчиняется определенным отрезкам времени (оно же их и формирует).

Заметим, действие, не связанное с именем человека, всегда воспринимается как объективация жизни, как некоторый порог персонификации (сравните авторство анекдотов и авторство классической логики). Здесь уже уместно поставить знак равенства с обществом. Сегодня оформлять свое бытие в возможности (то есть оформлять возможное будущее, при условии соблюдения механизма реализации) – значит связывать свое имя с действиями. Желание славы, таким образом, есть ничто иное как желание конечного продукта реализации БВВ в БВД. Если ранее имена присваивались от вовлеченности в ту или иную область деятельности как функцию, которую необходимо было оправдывать, то теперь наоборот функция уже настолько детализированна в ОБВ самих функций, что необходимо быть достойным функции и не запятнать имя (представление о чести и деловой репутация). К вопросу о личном факторе в области формирования истории.

Действие без имени нам уже не интересно. Таким образом, можно выделить следующую черту энтелехии – необходимость персонификации деятельности. Алгоритм роста общественного в своей разумности – похороны и вечное забвение авторства удачно реализованных творческих алгоритмов.

5. О дифференциации восприятия сущего

Бытие как факт, как свойство, непосредственно воспринимаемого дифференцировано в отношении чувственности, более того вынесено за нее и представляется всегда при должной доле абстрагированности от вещно – конкретного как данность и основание для вынесения суждения, бытие как некоторая заданность в восприятии сознания.

Так, например, восприятие чувственности в любви непосредственным образом зависит от того, участвует ли субъект в наблюдаемой игре, или же он вынесен за ее пределы или является зрителем.

Последствия различий предмета и метода; дело в том, что тот метод, который доносит до вас информацию (БВВ) в той или иной степени определяет ее содержание, а может и прогнозировать, даже структурировать ваше восприятие целиком.

Если сам способ корреспондирования является не просто носителем информации, а отдельной парадигмой Бытия, то он не может в той или иной степени не детерминировать качественное начало восприятия субъекта. Весь фокус – в восприятии действительного. Для зрителя это, прежде всего, действительность, представленная суммой действий, которые благодаря адекватности значения воспринимаются непосредственно как содержание (понимание). Для участника (при том, что отсутствует непосредственная нацеленность на зрителя) – это адекватность внутреннего восприятия, которое есть следствие внешним предметам реального и причина для действия с реальностью.

Кто-то наполняет разум действительным, кто-то действительное разумом.

6. О счастье

Счастье незримо присутствует в мотивации любого действия, которое мы осмысливаем. Нет более размытого общего *понятия- формы*, чем счастье. Все стремятся быть счастливыми настолько, что говорят о способах его достижения, но не о самом счастье. И тем не менее законы мышления учат нас тому, что мы необходимо обязаны определиться в предмете своего стремления, иначе наступает эффект черной дыры познания (ситуация, при которой осмысление мира подобно ночному кошмару, когда кого – то хочешь догнать, но несмотря на все усилия не можешь даже приблизиться – любая фактология интерпретируется сквозь методологию размытости вечной устремленности, при неспособности разума четко истолковывать конкретику чувственного).

Счастье- одна из форм общественно – активного бытия в возможности, которое формирует границы значимого в той или иной области чувственно – заданного. Нереализуемый элемент организации целевой причины общественного бытия в возможности.

Человек и счастье взаимосвязаны таким образом, что всегда рождается необходимость сказать, что первый рожден для счастья, но вряд ли это так, хотя бы потому, что это предполагает реальность бытия этих 2- х понятий, а счастье продуцировано сознанием человека, является его частью, а потому уже ему присуще в качестве» определенного» атрибута, о котором все говорят, но который никто не определил, настолько ясно, чтобы можно было использовать эту дефиницию в качестве классифицирующего инструмента.

Напротив, понятие несчастья (но не горя) определено и идентифицируется намного лучше хотя бы в силу того, что его используют конкретно и непосредственно довольно часто в жизни. Более того, говоря о несчастье необходимо избежать ловушки, так как достаточно назвать любую ситуацию вроде смерти родственника, финансового краха и так далее и каждый согласится с тем, что это несчастье. Несчастье более определено для индивидуума в прямой зависимости последнего от толпы, в той мере в какой он живет общественным, ибо для человека вне общественного (говоря «вне» и «человек» мы пытаемся соединить человека как вид животного общественного и в то же время данную ситуацию можно было бы определить как человек против общества со стороны общества). Состояние счастья – уже сама возможность жить, осознавая самое себя – представьте себе приговоренного к смертной казни и вот перед самым приговором его прощают, приговор не приводится в исполнение; сама по себе данная ситуация – уже есть высшее счастье для него. Именно этим умело пользовались монархи в свое время- осчастливить отдельно взятого человека. Так же приобретало популярность христианство, даруя душевное спокойствие. При этом следует учитывать, что только для нас сторонних наблюдателей это всего лишь «помилование», для приговоренного вся процедура и суда, и публичной казни (или ситуации, когда казнь есть следствие декларируемой или конституируемой публичности) есть процедура изъятия из сознания человека общественной ценности своей жизни, уничтожения в нем всего лично- общественного, а, следовательно, и личного вообще в понимании общества – именно поэтому организованная преступность рано или поздно станет базисом общества, критериобразующим началом общества.

Как только личность возвышается над обществом в себе, над этим богом внутри каждого из нас, она создает собственную веру в собственность творения (гонения на христиан – рост их популярности), и неважно во что она поверит: в возможность неограниченной власти, в возможность ли быть богом для самое себя и тому подобное; она создает собственный мир, превращая основание этого мира- мелочь духа, в жемчужину наличного бытия. Именно поэтому расценивать счастье всегда необходимо с точки зрения двух диаметрально противоположных полюсов – неактивированного (общественного) и лично – индивидуального.

Но при всех полярных точках зрения, в том числе в случае применения людологического классификатора, следует отметить, что счастье категория, которая осознается и чувственно живет в рамках универсама одного человека каким бы он ни был. Так же важно отметить, что счастье понимается как необходимое присоединение к той или иной общественной группе, отмеченной признаком успешности. При этом возможна утрата личностного и крах эмоционального уровня вообще. Играть в игры общественной иерархии – одно из самых опасных занятий для человека деятельного и почти обретшего *своего* бога.

Для счастья возможна минимальная характеристика, но все же мы попытаемся ее привести здесь:

1. Счастье субъективно человеческое понятие, конституируемое общественными формами БВВ в области социальной реализации человека. Таким образом, данная категория может быть однозначно отнесена к сфере деятельного. Иногда общественное пытается приписать счастью признаки следствия определенной группы действительного, реализовываемого одним человеком;

2. Относиться к комплексу общественных понятий, человеку естественным образом не сопоставлено. Иными словами изолированный от общественного человек с рождения рано или поздно придет к необходимости суммировать в понятийном аппарате чувственное проявление действительного, систематически взаимодействующего с субъектом (самоопределение, календарь, ритуалы выживания, медицина, пища и прочее). Счастье в данный аппарат не входит по причине отсутствия социума, общественного бытия в возможности, следовательно, отсутствует необходимость корреспонденции с ним.

3. Центральная категория в отношении понимания спокойствия. Причем последнее расценивается, исходя из степени активности самого человека. То есть некоторая сумма хаотичного, принимаемая за норму, в дальнейшем определяет нормальность и аномальность, так же определяется и счастье, как более конкретное состояние по сравнению с пониманием покоя. Мера так же определяется и формой той или иной игры, персонифицирующей индивидуума в определенных парадигмах.

7. Притча

Однажды Случайный Ученик Мудрости, имя которой никогда не называется в Долине Мертвых Истин, а мирские прозвища детей ее всем известны, устал быть терзаемым своей Вечной тенью- Сомнением. Он разозлился на нее и бросил в нее камнем, но Сомнение осталось, став еще чернее и всеобъемлюще. Тогда ученик спросил его: «Что хочешь ты от меня? Вечного знания о сопутствии Черной Бездны Будущему Свету? Я не могу больше бороться с тобой! Посмотри на меня! В реквизит восприятия чужих оценок превратило ты меня, и я стал слаб. Неужели не понимаешь ты, что губишь и себя?» Его голос грохотом пустот отчаяния разносился в отдаленных уголках Вечно Цветного Лабиринта, пугая и пробуждая от сна легкие бесплодные мертвые мысли. Они пролетали вспарывая небо оглушительностью смелости, увлекая за собой фейверк суетного прижизненного признания и падали по ту сторону тихими и унылыми искрами безмолвия, – пустоты для слепого и всякого, кто близорук...

И для каждого, кто входит в долину самопознания слышен этот вопрос, но не каждый слышит ответ в сердце своем.

8. О принятии решений

Лабиринты всегда утомляют своей безысходностью уныния ищущего. Каждый из тех, кто уходит в свой лабиринт постепенно понимает, что порядок и стройность – самое страшное из всех загадок любой неизвестности. Постепенно начинаешь понимать, что любое значение безысходно в возможности противоречия самому себе, тебе, всему, чему возможно сказать и да, и нет, если не брать в расчет время, но и его со временем перестаешь воспринимать как серьезное фактологическое основание для стабильности. Поток чувственного подчиняется твоей воле, и в конце концов сама она вопрошает явной усмешкой растерянности случая о причине и следствии между тобою и тем, что тебе уже не принадлежит по противоречию.

Сбегать можно в настоящее, в угрозу страшнейшему будущему, но самое перспективное и возможно наиболее разумное – отказаться от реальности будущего, если это будущее только тобою и создано во имя ненависти к общественному, аналогично – смешанному предшествованию в последствии внимающему деятельному образу бытия.

Боль всегда сопутствует, особенно, если существует нечто в тебе, что никак не исторгается, несмотря ни на какие эксперименты по уничтожению собственно ненавистного, только своего.

Как причудливо происходит становление и как странно значение именно только мыслимого, только оно позволяет противостоять подлинно настоящему действительному...

Интереснейшее противостояние – с одной стороны мир в своем чувственно- известном близком и родном, окутывающим и завладевающим, даже в самых отдаленных уголках аравийской пустыни, плюс вся чарующая неизвестность известного будущего... а с другой только твоя мысль и только твоя неспособность отказаться от мысли и только твоя подверженность этой мысли, желание исторгнуть ее из себя, при всей невозможности отторжения, при всей заманчивости простого решения и замкнутости в самом себе с гордой аксиомой «да я таков!».

Что делать, если противоречие превращается все больше в чувственно – воспринимаемое? Когда проходишь путь становления греков, – мифы твоего тщеславия заполняют все твое сознание... и ты уже не способен к сколько – нибудь достойному сопротивлению.

Проживать день как то, что есть только предварительная стадия, как то, что только и есть предшествование чему- то большему, или же каждый день посвящать настоящему, в обмен на предрешенность *того будущего*? Настоящего будущего (?!), будущее как настоящее, над этим стоит задуматься на досуге рвоты общественным.

9. У сгоревшей купины

То насколько далеко ты сегодня отстоишь от рода человеческого – это мера осознания цены, которую пришлось заплатить лишь за возможность видеть область света. Именно сейчас, находясь в области осознания реальности действительности, ты начинаешь подозревать, что придется провести его и как убедить именно его в том, что будет всегда чужеродно ему по определению его самого, созданного для него самого...

Самость не так чудовищна по сравнению с тем, что ожидает в ближайшем будущем всех узников совестливых духом.

И даже, если будущее – имя твоей гордости, и даже, если не увидеть тебе воплощение желания, то придется в любом случае быть вне оценочного, а значит одобрить все, что бы ни возникало на пути твоём...

Даже вера иногда предаёт тебя, не говоря уже о совестливости духа. А мерить метром личной судьбы, означает, что успех этой жизни придется измерять барометром удовольствия личностного бытия себя (как самого себя? ой ли...)

10. Из методологического

Идеальное как категория, оперирование которой есть форма восприятия некоторого понимаемого, зависящего от содержания БВВ субъекта познавательной деятельности, противостоит в философии *реальному*. Реальное – это современно чувствуемое настолько, что возможно целостное восприятие объекта при взаимодействии или реальной возможности такового.

Бытие не может быть ни идеальным, ни реальным. Ибо, если есть некоторое БВВ, вынесенное вообще за пределы чувственного, то есть не прошедшее никакие формы реализации в действительность, то можно говорить об отсутствии этого БВВ и отсутствии бытия вообще. Ибо бытие складывается как целостная парадигма, с обязательным наличием 4-х причин, одной из которых, несомненно, является человек.

Более того, конституируя идеальное как реально существующий объект, нам необходимо понимать, что он идеален лишь для определенного круга лиц в определенном месте и в определенное время. Хотя в процессе своего воплощения и некоторое время после такового, он был подлинно реальным, как для своих создателей, так и для некоторого круга непосредственно воспринимающих.

Привычка понимать под существующим то, что признаваемо сущим, то, что известно – это основа человеческого. Мы всегда и везде неосознанно конструируем бытие идеи Платона. Так, когда мы говорим даже о конкретно частном предмете, то всегда исходим из знания общего как рода данных предметов и уделяем ему внимание лишь в силу не соответствия общему роду.

11. Чудо театра жизненного

Мир животного только потому и может быть определен как игра, что мы корреспондируем восприятию животного проекцию признаков самих себя, за вычетом игровой атрибутики. Представьте себе животное, обладающее всей внешней атрибутикой человеческого, – и механизмы восприятия мира в нас сразу реализуют в отношении данного животного принципы встречаемости и подобия, приводящие к тождественности и сопереживанию (некоторым достаточно и глаз городской собаки). Если к этому добавить соответствующие деятельные формы организации, ситуационность – наше сознание потеряет различие между ним и нами. Такова природа успеха Уолта Диснея.

Любая кукла в спектакле реализует в нас то, что вдыхает жизнь в это тряпичное создание, и нас уже не волнует то действительное, все то, с чем общество связывает понятие рационального, понятие должно действительно подлинного. Игра связует нас со всем и вся, оставаясь при этом вне нас, она образует единство того, что может быть доступно нам в форме образа для восприятия. Ужас человека и насмешка Бога.

Понятие чего-либо как высшее воплощение общего для своего содержания – идентификационных частных, является непосредственно зависимым от своего частного – индивидуального воплощения, – индивидуума как субъекта познания.

Именно благодаря данному субъекту, для которого доступно изменение данного понятия зависит качественное соотношение, которое одновременно предстает как количественное через антитезу самого понятия как следствия мыслительной деятельности масс, охватываемых сущностью, выраженной в понятии, и индивидуума, анализирующего данное понятие и принадлежащего массе в ее совокупности. Качественное изменение понятия происходит всецело в сфере понимаемого, которое носит зеркально – чувственный характер и может быть основанием для отвержения сущности понятия.

Но данная ситуация может иметь место только там, где чувственное индивидуума может быть впервые формообразованно и выражено через данное понятие (или же впервые формообразованно именно данным, в корне отличным образом, – условия для бытия не изменений, а революций). Именно в силу того, что чувственное человека необходимо становится человеческим до того как начинает управлять самим человеком, возможно преемство значения, содержания понятия. Единожды закрепляемое чувственное в сфере *ratio* в дальнейшем отражает соответствующее вербальное в точном подобии себе (представлению о том, как должно быть) и всему должному вне себя (других). Чувственное не может уже быть *вне и против*, против может быть сам субъект как воплощение значений, которое противопоставляемо наблюдающему и воспринимается им как противоречие себе. Именно поэтому, например, те идеи и понятия, которые впервые предлагаемы уже оформившейся массе стабильности, не могут быть воспринимаемы последней в соответствии с целевой причиной представляемого понятия, – только как несерьезное, а, следовательно, не заслуживающее право на существование. Наблюдающему неизвестно содержание представляемого, а, следовательно, соотношение его с собою невозможно: первое условие правил вежливости с незнакомыми – нейтральность реакций.

Отношения зависимости и взаимосвязи общего и частного (субъекта) только поверхностно выглядят как противоположности, на самом деле, это совершенно не так. Общее находит себя исключительно в индивидуально-частном, при том условии, что все частное – является частью общего, но совокупность общности (частностей) в одно и то же время, в одном и том же месте – невозможна.

Соответственно, содержание находит самое себя в человеке, поскольку человеческое как чувственное идентифицирует себя с данным содержанием понятия. Качественное здесь синкретично с количественным, данные противоположности представлены умозрением в своем наличии целостного, но разведены в области воплощаемого – качество как чувственное, «то благодаря чему», и качественное как то, благодаря чему существует индивидуальное в противопоставлении себя количественному (человек- человеки- человеческое- человек). Последняя ступень продуцирует общее внечувственное, которое может быть бессодержательным в силу того, что содержанием данного понятия является способность быть пригодным для понимания вообще. Например, вполне возможно изменение отношения к чувству, на основе изменения восприятия начального понятия, понимаемого; но опять же изменение чувственного в сфере чувственного посредством внечувственного невозможно, – эта категория сама рождается благодаря возможности понимания через ощущение (первично сливаемое чувственное и вербальное).

Существенную роль в качестве преемственности БВВ играют способы корреспондирования. Единственным условием обеспечения универсальной качественной преемственности является – дифференцированность способов корреспондирования (разнообразие всегда позволяет сохранять должный уровень адекватности).

12. О значении времени и пространства

Государственная власть обеспечивает встречность и подобие, а главное зеркальность энтелехии. Теория идей Платона обязана своим происхождением... путешествиям своего создателя. Платон установил это тождество мысли вне зависимости от эмпирической обстановки и постулировал ее в философии как идею. В то время как Аристотель не покидал полиса (уникальная система общественного устройства, в которой происходит обмен информацией абсолютно самодостаточно) и не мог не прийти к выводу об отсутствии идеального, не связанного с эмпирически воспринимаемым, так как становление его мысли (личностного индивидуального БВВ) происходило в условиях однотипного единобытия в сфере дифференцированных формообразующих констант.

Интересно так же следующее, Иисус Христос понял, что наличие игровых элементов формообразует в реальности то, что на самом деле отсутствует в данном месте и в данное время, поскольку возможность вторичных эмпирических проверок невозможна (нет того места и того времени, есть только БВВ того времени и места; БВВ, которое резко индивидуально и не может быть просто так забыто). Двенадцать апостолов, как раз тем и занимались, что структурировали настоящее через корреспондирование *такого БВВ*. Корреспондируя значение того (оно уже имело вид ОБВ) прошлого они структурировали настоящее субъекта, так как оно неизбежно должно было быть пронизано тем БВВ (прошлым). Таким образом, формируется связь причинно – следственного характера, формируется реальность, ее новое восприятие.

Церковь как организация, обеспечивающая преемственность значения независимо от времени и места и пространства, лишь усиливала количественную сторону парадигмы, а так же прочие формы организации конгломерата парадигм.

Та же схема развития может быть применена к хронологии истории письменности- сейчас это уже mass media, политика, PR. Весь секрет, как найти звено непогрешимости и каким образом расширять структуру парадигм, не меняя собственно данного звена непогрешимости, этого атома воспроизведения истинности.

Иными словами, восприятие легче всего структурируется посредством изменения пространства, лучше всего проповедовать там, где тебя видят впервые, при этом ты располагаешь игровой атрибутикой (инструментом привязки значения) достаточным для убеждения в неподдельности корреспондируемого БВВ.

Чудеса мужества христиан – результат расширения бытия в возможности человека с гарантией его реализации в действительном (жизнь после смерти).

13. О смерти

1. Универсальное понимание мира ко многому обязывает, необходимо просматривать историю как фотографии, выложенные из альбома, определяя порядок единственно удовольствием своего разума. Но для начала необходимо, чтобы разум сумел найти удовольствие в познании истин и только. Утехи жизни должны быть для него чем – то, что уже нельзя превзойти и оставить за собою, они должны быть единственно лишь историей. Мы не говорим о смерти как о некотором символе, управляющем бытием человека с определенной степенью достаточности и ясности. Это было бы удваиванием самого понятия смерти в его чистом виде. Чистый вид понятий рождается в рамках технократического анализа, не связанного с пониманием понятийности в рамках отдельного человека. С точкой зрения одного человека. Каждый как универсум имеет право на универсум своей точки зрения, но в целом само по себе человеческое как данность, как факт природы стремится к исключению личного, к исключению понятийно – событийного из сферы человеческого. Оно стремится к тому, чтобы уйти от понимания, связанного с личным опытом со всем тем, что и призвано корректировать сами по себе понятия общественного. Человек не имеет право на утверждение своего опытного начала в сфере общественного, оно должно быть либо подтверждением общественного, либо его негативным опровержением (вот так мол поступать не следует и мы тебя об этом предупреждали), но в целом общественное против индивидуальной судьбы, против того бытия в возможности, которое непонятно и не истолковываемо общественной формой сознания. Поэтому общественное в части сохранения самое себя всегда стремится к исключению человека как источника понятия из самого понятия, понятийности. Заметьте, ранее в части понятия было бесконечно важно, кто сказал, и как сказал, где сказал. Понятие было формой воспоминания о действительном, оно сохраняло в себе признаки однородной формы действительного, заставляя новых участников лишь опознавать данную форму действительности, как уже ранее существовавшую, а, следовательно, не враждебную и подобную всем тем, кто причастен ему (понятию) содержанию. Понятие изначально – форма хранения чувств действительного. Оно следует за действительностью, потому что хранится в рамках тех, кто действует, оно хранится в рамках субъектов действительности, персонифицирует их сознание. Преемственность возможна в рамках общения, в рамках единого конгломерата форм подобия и встречаемости, но не более. На этом основана и отсюда идет власть как форма социального отношения. Общественное бытие в действительности человека делится на группы субъектов хранящих, а затем и охраняющих каждая свою область понятий. В зависимости от уровня универсальности и уровня структурного развития понятийного аппарата, в дальнейшем будет зависеть, кто станет властью. Здесь нет и не может быть речи о чистых формах понятия. Каждая группировка так же монополизирует право толкования круга своих понятий, таким образом она монополизирует сферу реализации данного бытия в возможности. Первыми, кто нарушил все запреты были философы, люди, мало вовлеченные в круг общественно значимого, но достаточно хорошо осведомленные о принципах и формах организации общественного. Но для нас необходимо понимать, что в этом мире мало, что меняется кроме внешней атрибутики. Архаичные законы бытия остались точно такими же, как и раньше. Единственное, что изменилось, – вместо хранителей власти, вместо тех, кто оберегал понятия, знания и раздавал им символы; сейчас те, кто стоит на страже понимания понятий социального значения. Круг данного чистого понятийного аппарата трансформировался в понимание законов, в понятие закона, правоохранительной системы и сейчас суды и прочие государственные органы осуществляют от лица Верховного бытия в действительности приведение в соответствие сознание отдельных личностей и обществ в соответствии с чистотой понятийного аппарата действующего законодательства (норм социального общежития). Но так или иначе общественное не терпит формирование нового *отлич-*

ного, и тем более уничтожающего былое, для него это является недопустимым. Единожды найденная удачная форма эйдоса канонизируется и охраняется до тех пор пока девиационное бытие в действительности не докажет обратного – того, что данная форма подлежит однозначному упразднению. Смерть обрела весьма приемлемые удобоваримые формы восприятия в круге человеческого. Похороны, ритуалы, представления о мире загробном, дыры сознания типа «бог дал – бог взял», теории детерминизма, фатума и так далее. Смерть стала узнаваема и в какой-то степени даже управляема, более того, она стала предсказуема, и в некоторых случаях даже исключается (уровень современной медицины весьма высок). Развитие общественного стремится исключить боязнь смерти, страх смерти. Такова природа стада, бегством спасающегося от хищника – оно не видит жертв, оно устремлено вперед, живет в состоянии бега и преодоления своего страха смерти. Оно заменило его пониманием личной судьбы и так далее, но в целом оставив в грани негативного только одно-причинность смерти, смерть остается чудовищной и кажется нам чудовищем, когда она не вписывается в причинно – следственные связи, в наши ожидания, вписанные в нашу *Tabula rasa* обществом. Тоже стало и с кулинарным искусством в мире человека: обеденный ритуал, тарелки, ножи, салфетки, кухни, фабрикации и прочее исключили из жизни человека всю цепь выживания, всю цепь питания – охота, убийство добыча, труп, приготовление, поедание. Мы даже мяса убитого животного сейчас руками не касаемся (наследие чувства вины за времена каннибализма). Осталось только бескровное приготовление и поедание, сопряженное только с испражнениями, это пока еще остается уделом и неизменным атрибутом любого питания, хотя степень конфиденциальности и здесь достаточно повышена на современном уровне развития.

Произошли и изменения в чистом восприятии смерти, она стала формой отношения, стала некоторой формой социальной жизни. Она не рождает ужаса во всех и вся, формируя таким образом представления о равенстве всех и вся перед неизбежным. Смерть перестала быть формой божественности, она стала частью жизни социума, она перестала быть высшей точкой враждебности и переместилась в сферу понятийного аппарата как он есть.

Если ранее каждый человек стоял перед данной неизбежностью, которая могла произойти в любой момент, несмотря на все формы защиты сначала от природы, а потом и от просто враждебных себе подобных, каждый находился на войне и тот, кто понимал это выживал, кто нет – заканчивал свою жизнь в максимально короткие сроки, то сегодня этого нет – человек стал ближе к животному, он научился существовать в рамках своих представлений о жизни, в рамках социальной гарантии жизни, в рамках уверенности, что смерть есть некоторая «отсрочка платежа», которая не наступит пока не будет основания-события, а именно – *прожитой жизни*. Современный человек видит смерть исключительно в рамках причин смерти, в тех, кто может его убить, он видит смерть как следствие злого умысла кого – то против него. *Смерть перестала быть необходимостью каждой секунды бытия, формой постоянного ожидания*. Она переместилась в сферу случайности, в сферу случайного, туда, где нет места разумному. А ведь все мифы о счастливой загробной жизни обязаны своей успешностью именно представлению о внезапной смерти. И, наконец, смерть стала формой решения социальных проблем в отношении самого себя. Самоубийство сегодня прекрасная вещь для решения своих проблем с обществом вообще и с общественным в себе в частности. Чудовищно. Социум настолько исказил понимание смерти, что заменил собою понимание жизни.

Ранее каждый был в состоянии так называемой войны одного против всего и формировался именно таким образом как сумма возможностей по противодействию всему тому, что противостоит ему, не подобно ему, не соответствует его представлениям о целях и задачах его бытия. Так рождается культура. Та сумма представлений, которая была выстроена и выстрадана сотнями сражений, и все, что не убьет здесь, то сделает сильнее. Общество брало себе наиболее удачные формы личных усилий и канонизировало их. Гении же просто сегодня живут точно так же, как ранее жили все в эпоху становления мира и цивилизации. Они живут, оста-

ваясь враждебными любой форме организации социальной материи, кроме самое себя, всего того, что принадлежит им как самое себя.

Сегодня же смерть именно общественное бытие в возможности, лишенное индивидуального, неповторимого. Поэтому человек, отрицая общественное, однозначно приходит к пониманию, к индивидуальному пониманию того, что есть смерть. Он приходит к вратам ада, уничтожая заслоны тысячелетий культуры. Кто способен на это? Кто способен отказать себе в удовольствии быть не одиноким и оцениваемым, а по результатам данного оценивания еще и уважаемым, значимым и возможно даже вершителем судеб, человеком, определяющим вопросы жизни и смерти? В обмен на неизвестность, на неизвестность, в которой даже ты сам есть непознанность в отношении бывшего знания о самом себе, ведь в данной области не действуют представления об имени, профессии, трудовом стаже, счете в банке и прочее, – есть только ты и все, что есть отрицание тебя и противоположность – смерть. Ничто из тебя не останется в этом мире после смерти, есть только знание о том, что это все конечно. А в общественном есть форма преемственности, есть вера миллионов в том, что смерть всего лишь переход, есть вера в то, что помимо наличного существования существует бытие как бытие в возможности и Стагирит, например, сейчас больше жив, чем при своей жизни. Более того, на стороне общественного – доказательства и сила убеждения, начиная от разума и заканчивая принуждением, а на твоей всего лишь ничего, сумма каких – то вариаций на тему собственного духа. Все это несколько обескураживает и заставляет устрашиться самого ухода из круга *общественно – человеческого*, это заставляет увериться в истинности того, что твое бытие среди людей есть единственно верная форма существования. При этом приходится обходиться силами индивидуального бытия в возможности, которое у каждого находится в состоянии атрофированности; на ум не приходит абсолютно ничего, кроме ритуального приобщения к тем формам жизни, которые и кажутся антиподами общественного, – а именно – животные, дикари и прочее. И вообще – то весьма много умельцев переодеваются в звериные шкуры, перенимают быт животных и прочее в своем стремлении убежать от своего бытия как человека (этакие всплески натурализма). Многие уходят в леса и тому подобное, снимая с себя одежды относительности и условности мира сего. Обычно у людей физически не совсем развитых и отчасти не решающихся найти в себе силы на отторжение общественного, последнее непременно ассоциируется с современным бытом и укладом и они находят отдохновение в воспоминаниях старины и в увековечивании традиций. При этом, данный процесс носит форму маятника, то есть пока есть отторжение общественного происходит торжествование над смертью в форме самоутверждения, но чем ближе человек к порогу собственной ответственности за все те вопросы, общественные ответы, на которые он отвергнул, тем ближе он к точке отказа от своих убеждений, потому как не в силах быть вне круга человека, не способен быть сам человеком, «кругом человека», а уж *не быть человеком* для него и вовсе недопустимо.

Но почему же путь к первоистокам так прост, неужели сотни лет, тысячи лет не заблокировали не перекрыли отступление, с тем, чтобы человек уже не мог быть асоциальным, антиобщественным? Ведь все социальные примитивные инстинкты были рождены именно боязнью смерти, именно борьбой против смерти, начиная от собственности- попробуйте у гения отобрать его время для творчества, все равно что у банкира – деньги. Опять же причина в том, что сами по себе механизмы социализации окружающего и человека в частности совершенно не изменились, соответственно, и дорога обратно так же близка, как и в самом начале пути. Кто уверен в обратном, просто уверен в самом себя, не более. Уверен в том, что он видит вокруг себя как доказательство самое себя. Синкритичность с общественным бытием в возможности в общей парадигме реализации – самая лучшая форма бытия человека, жизнь превращается тогда в достижение именно доступных общественных идеалов, она может пройти гарантированно и увенчаться именно пониманием смерти в стиле общественного, если не касаться опас-

ных тем и форм действительного, соблюдать, так сказать, технику безопасности нахождения в общественном.

Вернуть понимание смерти в жизнь каждого? Это возможно только в области действительного, в форме войны и тотального уничтожения... но это опять же социализированные образы смерти, которые к самому данному бытию в возможности (смерть как бытие в возможности) по большому счету никакого отношения, кроме перцепций убиваемых, не имеют. Но вот сознательно использовать данное бытие в возможности как атомный реактор для жизни – это вполне людологическая задача. Изоляция от соприкосновения с бытием смерти – не самый лучший способ ее избежать. В конце концов, в области самого бытия в возможности, которое может оставаться даже нереализованным, есть множественность аналогов по степени восприятия смерти, ведь, изначально смерть во многом непосредственно определяла бытие человека в части формирования интеллектуального. Из всех смертей – смерть мысли самая тяжелая.

Восток, в частности, давно понял уравнение «человек- общество- смерть», и решил его весьма замечательно – жить так, как будто бы каждый день есть день последний. Но вот, *что* приносить, и *что* сохранять каждый последний день и насколько верить в то, что исповедуешь, где *достаточное основание*, гарантия? Где знания как следствие долгих экспериментов или же результат внутренней веры? При том, что речь идет именно о личной форме отношения к времени? Явно общество в совокупности своих членов не может позволить себе такой роскоши как жизнь в рамках одного дня. Кто – то будет либо выигрывать, либо проигрывать, а это уже несправедливо – такова позиция общественного.

Срывать все защитные механизмы так же невыгодно, так как рано или поздно все равно придется вернуться к людям, к их формам организации. Необходимо вырабатывать такую форму отношения к жизни (читай смерти), при реализации которой велика доля сбалансированного отношения своего личного сознания и бытия в возможности к общественному, к социальному. Соответственно, это единый путь прогресса, который может претендовать на верифицированность в рамках наличного бытия в целостной парадигме как отдельного человека, так и общества в целом, а возможно и стабилизирует или даже приведет к совершенно новой организации социальной материи.

Этакая карманная философия для всех. Почему задумываем решить так много задач сразу? Наверное, потому, что это центральная тема бытия любого человека, каким бы скотом он не был, а так же формообразующий факт действительности, во многом сформировавший наши представления как о конечности, так и о продолжительности, содержании формы и прочее. Отношение к нему автоматически универсально, а, следовательно, новации в данной области могут дать весьма много нового в человеке.

Для того, чтобы жить необходимо знать, что имеешь, каким образом жизнь приобрела именно такие формы, из- за какого комплекса вторичных страхов, первопричиной которых был ужас смерти. Вот так, разматывая клубок проблем атрибутики существующего и уже давно не существующего, мы сможем прийти к тому, что и есть разумность – к целевой причине человека, к возможности изменения социальной материи, оправданным способом в приемлемых условиях и формах. Кратчайшая дорога к счастью через познание смерти. Гомер как никто понимал это.

2. Понятие смерти рождает совершенно новую ценностную установку, возможность смерти заставляет прийти к пониманию жизни, вернее того, что начинает пониматься как период до смерти. Рождает восприятие себя и ценность себя как еще пока живого человека. Смерть сразу же закрепляется за всем, что так же имеет необратимость понимания негативного. Человек начинает стремиться к возможности отмены, к возможности все переиграть все отменить и сделать заново. Так рождается возможность ценить и уважать искусство, сначала примитивную форму отражения, затем форму жизни.

Так рождается любовь. Любовь как то, что станет между смертью, вопреки смерти. Любовь, наше отношение к ней – отражение нашего страха перед смертью. Животные размножаются потому что живут, мы любим потому что знаем что можем умереть, *человек как Homo sapiens рождается благодаря маленькому зазору знания о своей жизни перед смертью*. Любовь как торжество над мыслью о смерти, над конечностью, любовь исключает и уничтожает мысль о том, что жизнь – это форма игры между рождением и реализацией бытия в возможности смерти. Во многом – это смысл жизни.

Учитывая страх перед смертью, неудивительно, что человек цепляется за все новое, прошедшее через сознание и волю. Прошедшее, процесс реализации воспринимается им как естественное. Соответственно все, что отдаляет нас от смерти и гарантирует нам ее неузнаваемость, воспринимается как положительное и необходимое для жизни. В дальнейшем рождаются циклы, формы переходов и прочее, все то, что потом и будет осознаваться нами как жизнь – мир предметов, созданных нами в погоне за жизнью без смерти. Сегодня трудно представить человека, существование которого сведено к биологической жизни в отсутствии самых элементарных орудий и предметов. Человек сегодня больше сумма форм осознаний своего «я», чем биологически живое и биологически только живущее существо.

Общественное бытие человека развивается от полной паники и страха перед смертью к полному отсутствию, забыванию своей внезапной смертности. Это заметно абсолютно во всем, но очевидность столь же неуловима как и собственный глаз без чего –либо отражающего, необходимо вырвать глаз, чтобы его видеть, так же необходимо довести все до абсурда с тем, чтобы узнать логику бытия.

Что выдает преступника, при отсутствии улик? Улики поведения. Общество во многом выдает его быт. Раньше, настолько раньше, насколько можно верить фактам, люди пытались вещами преодолеть порог собственной жизни, остаться через творческое после факта. Монументальность строений, долговечность бытовых вещей, перспективность планов и прочее. Сегодня век вещей недолог. Человек стремится все сменить, все урезать рамками эксплуатационности. То, что раньше было сферой духа, непрерывное улучшение – прерогатива духа, сегодня перешло в мир предметности. Ранее самым тяжким преступлением было уничтожить в собственном сознании и сознании тебе подобных веру в вечность и неизбежность того или иного символа- церковь, правители, богохульство и прочее. Сегодня – убийство себе подобного, даже, если он скотина и плебей. Общество настолько обесценило человека, что отобрало у него право различия, уравнило всех в правах на жизнь. Когда такое могло быть разумным, неужели тысячелетняя история была такой ошибкой? Может быть, мы приобрели что – то качественно новое за последние 100 лет в своем способе мышления, достигли чего – то, что позволило нам мыслить вопреки тем формам и парадигмам которые управляли человечеством всегда? Не думаю. Это просто отголоски большой крови 20 века, человек все еще боится быть мертвым человеком, без погребений, без ритуалов, без круга страдающих о нем, без круга утраты о нем. Он жалеет себя, общество не может допустить смещения времени, проявления личной воли, личного понимания времени, бытия вопреки устоям тысячелетий. Тогда чего же ждать в ближайшее время? Волна преступности по всему миру – это уже есть... море крови прольется еще на этой земле. И отменяют все моратории на смертную казнь и снова будет аристократия и плебей, и снова будет все как раньше, но что же будет предшествовать этому? Какая система даст позволения, какая система позволит обоснует кровь? И кто позволит себе быть ответственным при том, что он сам человек и сам не волен определяться в отношении того, что есть он без понимания смерти, без знания о конечности самое себя?

Все, к чему прикасается смерть, становится вечным, в особенности для умершего, он точно с гарантией, навечно уже не будет существовать вне той игры, которая реализовала для него бытие в возможности под названием смерть. Но сколько людей живет так, как будто бы

их жизнь вечна? Это слабость и это нормально, это форма защиты перед мыслью о том, это жизнь всего лишь поэтапная реализация возможности смерти.

Но есть исключения. Бывает только один род людей, которые знают все так, как они должны это знать – дети. И, если ребенок сталкивается с тем, что он смертен, сталкивается с данной мыслью лицом к лицу, в одиночестве познания своего мира, преодолевает страх и переворачивает в своей душе историю человеческого заново, нанося на нее новые вехи, рождается то, что потом в одном шансе из миллиона назовут гениальностью. Творческое возникает под копирку генезиса всего мира; все то, что создало человечество, чтобы уберечь человека от сознания своей конечности, остается по ту сторону для *нашего* ребенка, он понимает фальшь убеждения, что существует жизнь. Он находится в кругу враждебности, как и первобытный человек, он заново создает мир вокруг себя, не цепляясь за предлагаемые гарантированные схемы отсутствия смерти. Он понимает бессмысленность защитного механизма, он понимает ужас способности к познанию. И он цепляется за жизнь. Очень быстро сознание, отрешенное от форм общественного бытия в возможности, приходит к Декарту и находит удовлетворение в мысли, мысль в выражении, выражение в сохранении. Самая простая и самая примитивная форма сохранения была основой для нашей культуры – красота, то прекрасное, что должно нравиться созвучием, всем тем, что отдаляет нас от звуков смерти. Красивая речь в своей форме и в форме того, что она доносит до нас – первая форма сохранения себя как бытия мысли. Смерть как мысль, мысль как средство избежать смерти, человек структурирует собственное бытие в возможности в надежде оставить его вне смерти и вопреки смерти. Находясь в вечно враждебной ему среде.

Здесь же он понимает жизнь как игру со смертью, с целью избежать смерти. Адское занятие, наверное. Хорошо когда это ребенок. Жизнь становится для него всего лишь борьбой, сопряженной с легкостью отношения к своим истинам, формообразующим окружающее. Намного тяжелее, когда человек в зрелом возрасте сталкивается с пониманием своей конечности и пустоты жизни, тогда приходится бороться с самим собой, уничтожая в себе все, что есть в нем от общественного сознания, общественного бытия в возможности.

Рано или поздно вместо того содержания бытия в возможности, которое предложено общественным БВВ субъект приходит к своему бытию в возможности, которое он и воспринимает как истинное, как защитный механизм от смерти, от реализации смерти в своей жизни. Усмешка судьбы состоит в том, что какое бы бытие в возможности не было выбрано нашим фигурантом, оно всегда будет им воспринято как личное и как истинное. *Человек – это копия без оригинала*, и поэтому он копирует в себя все, что кажется ему в достаточной степени убедительным, чтобы доказать жизнь. Экзистенция как таковая возможна для него только в рамках понимания, в рамках знания. Собственное бытие в возможности, сохраняющее в себе от общественного всего лишь формы и способы выражения, имеет такую убеждающую силу только потому, что субъект не находит ему аналогов в окружающем и потому воспринимает его именно с точки зрения единственно неповторимого и наиболее ему подобного. Как смерть познается в своем подобии, так и наиболее подобное для человека – лучшая форма защиты от смерти. Реализуя свое бытие в возможности в рамках общественных парадигм циркуляции БВВ, человек стремится достичь результатов в области встречного. Это вторая форма по сравнению с подобностью, но так же весьма эффективная с точки зрения убеждения и успокоения себя самого в том, что жизнь не есть вечный путь к смерти, простая парадигма реализации простого бытия в возможности, к тому же еще страдающая однородностью элементов. И, если народ или нация в своем стремлении к абсолютной встречности идет на экспансию, на войну и прочее, то человек определяет свою агрессию вербальными рамками. Существует, правда, и обратный вариант, когда не создано индивидуального собственно – уникального бытия в возможности, но экзистенциальные страхи достаточно велики, тогда отсутствие своего подобия, отсутствие внутренней согласованности компенсируется неумемной жадой к встречности, про-

является так называемая «порочная воля». Данное явление в одинаковой степени проявляется как у малых детей, так и у самых опасных социальных субъектов – тиранов, матерых преступников и прочих «волевых личностей». Все это во многом проявления организационного дисбаланса по парадигме бытия, то есть когда все четыре причины неуравновешенны, как по силе своего воздействия, так и по объему содержания. В случае с творческой гениальностью явно преобладает целевая причина (самореализованное относительно самое себя бытие в возможности), в случае с тираном – движущая, но поскольку целевая не замещена общественным бытием в возможности, а равно своим собственным, в круг «должной реализации» попадает все, что опосредуется мыслью в процессе формирования парадигмы. В принципе парадигма, расширяющая вселенную. Хотя общество здесь всегда пытается бороться с такими разрушителями собственного отдельного бытия в действительности, через признание подобных форм организации социальной материи преступлениями, девиациями.

В принципе, творчество, в части замены бытия в возможности, является высшей формой организации человека перед угрозой такого бытия как смерть. Оно генетически заложено в человеке, первобытный человек именно так создавал наш мир, – уничтожая форму внешнего, превращая посредством своего участия мир в собственную парадигму, изменяя его с целью доказать себе, что он уже не несет в себе смерти, не является бытием в действительности возможности смерти. Все, что создано живыми, несет в себе жизнь, так рождается ценность культуры. И до сих пор все, что связано с умершим, как правило, инстинктивно исключается из жизни живых, все, что не обезличено все той же культурой.

Мир природы для человека всегда был враждебен, поэтому, естественно, что механизмы опосредования мира и первичного формирования бытия в возможности связывали сам мир со смертью, видели в мире враждебность и смерть, реальную возможность реализации смерти здесь и сейчас. Появлялась необходимость создать анти- враждебную среду, в которой были бы циклы, исключаяющие смерть как следствие обращения к ним, персонификации в них. Нетрудно проследить, что любое начинание в этом отношении приводило к созданию предметности, вещности мира, а соответственно, и управляемости мира, мира уже знакомого и потому возможного для жизни. Философские системы мира в качестве обязательного признака приобщения к миру истины, к миру собственно индивидуального бытия в возможности одним из условий ставили именно отрешение от мира предметности, от мира вещности, видя в нем имманентное продолжение ложно – общественного начала. Этот слепой механический прием в целом достаточно эффективен, но не разумен. Образ жизни общественного – это гарантированность, причем гарантированность, прошедшая многократную шлифовку и «тест контроль» на эффективность. Разбрасывание камней здесь явно лишнее. Но необходимо помнить, что в свое время, в начальные периоды истории, когда само мышление было приковано к формам организации бытия в действительности и было практически первичным (мышление, которое не знало о своей относительности), это был действенный способ освободиться от общественной формы репродуктивности по бытию в возможности. Стоит вспомнить насколько был устойчив античный мир по сравнению с нашими представлениями о прогрессе в сторону улучшения.

Здесь необходимо так же отметить, что сама смерть, продуцируя время, корреспондирует форме восприятия любого бытия в возможности понятие авторитетности. Неизбежность смерти и время рожают понятие авторитетности и проверенности. Отсюда уважение к старшим и авторитет всего того, что дошло до нас сквозь века. Время в этом случае – лучший копир для неискушенного сознания. Мир античности, соответственно, тот мир, который не знал другого мира и жил в идеальных условиях известности, был обязан следовать традиционности в том смысле, в котором он знал преемственность. Желание стоиков и киников и прочих «нищих» отойти хотя бы внешне от этой преемственности, наполненной самой высочайшей алеантностью был вполне оправдан.

Однако сегодня рождение нового сознания в индивидууме всегда сопряжено не с отказом от внешнего, а скорее с модернизацией последнего.

3. Вообще же сегодня в мире равенства и силы мысли общества, следует проводить различия между людьми не на основе внешнего сравнения, функционального, тяготеющего к структурализму, а на основе того, как человек, как система самоорганизуется в отношении того, что он есть перед неизбежностью реализации тех или иных форм общественного бытия в возможности. Как мы уже говорили, смерть хотя и является завуалированной формой такого ОБВВ, но в то же время это наиболее эффективный, а главное первичный показатель и основа формообразования человеческого. Если и определять условия генезиса человека их можно определить так: смерть от всего, мысль, защита, желание безопасности.

Поэтому в принципе, что бы ни происходило, какие бы формы экономического, государственного устройства не сменяли друг друга, бытие смерти всегда будет определяющим фактором в самоорганизации человека, суммы человек.

Первая группа индивидуумов – слуги общественного бытия в возможности. Эти люди не приоткрывают значение тех понятий, которыми живут. Везде видна согласованность и некоторая логичность. Детализация во времени и пространстве так же носит точный и верный характер. Индивидуальность ограничивается знанием собственного имени, анкетными данными, суммой желаний, потребностей, удовлетворение которых приносит удовольствие. Сфера убеждений так же носит общественный характер. Сфера ценностей ориентирована на общественные формы организации социальной материи, расположена в сфере общественных различий.

Это рабы. С той лишь разницей, что современность установила особый вид рабства – рабство мысли. Когда правящие подсчитали с экономической точки зрения сколько стоит рабство в его чистом виде, рабство обеспеченное телесными наказаниями, надсмотрщиками, кандалами и прочее, были созданы ценностные ориентиры, формы парадигм, ориентирующие на исполнение определенного алгоритма, рабского алгоритма. В то же время наблюдается рост сил полиции, сил внешнего контроля по замерным показателям. У раба нет ничего кроме его программы, у рабовладельца есть все, кроме возможности определять жизнь раба в рамках ежеминутного, непрерывного контроля. Стоит отметить, что полицейские функции государства нигде не были так развиты как в свободных демократиях последних трех столетий.

По сути, данная категория людей *этнографический материал*, лишенный не только самостоятельного определения себя как существ, способных формировать и изменять что – либо, но так же не способных толком объяснить кто они такие вообще. Субъекты, которые полностью защищены от понятия смерти, от какой – либо возможности соприкоснуться с данным понятием, бытием в возможности. Здесь же следует отметить, что это самая счастливая категория людей, которая реализует в действительности, или точнее обладает возможностью реализовать в действительности, почти все содержание бытия в возможности, которым обладает. Если и верно сказано «если у тебя все получается, значит ты слишком малого хочешь», то именно про данную группу.

Экзистенциальные страхи почти не обнаруживают себя непосредственно, заменены формами восприятия времени, социальной ответственностью, конгломератом игр с различной степенью алектности. Это и есть общество в сумме своих представителей как сумма своих представителей.

Качественные характеристики, как правило, однотипны и носят характер «среднего человека», всецело детерминированы общественными парадигмами бытия. Отформатированность и унифицированность носят в срезе общих замеров абсолютный характер. Жизнь проходит в рамках чисто человеческого, некоторые даже на природе не бывают сами по себе. Лишь в сопровождении атрибутов цивилизации.

Вторая группа состоит из субъектов, осознающих относительность понятий определенного круга и хоть раз участвовавших в смене привычного значения привычных предметов. Здесь уже нет качественной однородности, есть виды и подвиды, характеризующиеся определенными признаками и функциями, как в части проявления своего «я», так и в части его формирования. Единым признаком является то, что смерть здесь воспринимается как опасность, связанная с социальной действительностью, источником смерти является опять же социум, формы социального бытия. Отсутствует способность к обобщению суммы фактов и универсализм мышления. Как правило, подобное восприятие смерти рождается в силу занятости в социально – опасных не до конца детализированных сферах социума, которые наряду с этим предполагают значительный элемент индивидуальности в принятии решений по поведению, профессиональной деятельности и прочее. Отличительная черта данных «философов действия» – замещение в рамках целевой причины парадигмы бытия части элементов последней собственным представлением о том, каким должно быть бытие в возможности. Таким образом, появляется возможность видоизменения общественного бытия в возможности, что приводит к уходу от гарантированных схем, степень адекватности перехода возможности в действительность возрастает, появляется возможность творческого моделирования, последнее в свою очередь хоть и в замкнутом цикле, но ставит человека перед неизвестностью и опасностью по признаку «все враждебно», он возвращается в своем цикле к первичному сознанию первобытного человека. Последнее некоторым образом вносит коррективы в его понимание и себя, и ценностей общества. Появляется проблема личной судьбы, вопрос индивидуализма и прочее. В зависимости от того, как происходят ответы на данные вопросы, можно говорить о степени социальной опасности данной группы субъектов.

Отличительный пресекающий признак в том, что индивидуальное сознание, продуцируемое неурегулированной (кстати сказать, неурегулированной с точки зрения самого субъекта) деятельностью дальше вспышки не уходит. Мысль так сказать мелькает и не более. Приходит осознание, которое воспринимается либо как отрицательная эмоция, либо как «старая истина» (механизм противодействия общественного бытия в возможности). Таким образом, субъект со временем, привыкает именно к такому осознанию и персонифицирует его исключительно с формой своей деятельности, которой занимается, каждый раз переживая его и погашая силу его действия общественными средствами (начиная от религии, и заканчивая бытовым пьянством).

Следует так же отметить, что само по себе общественное бытие в возможности содержит достаточно большой арсенал компенсационных механизмов для данной группы, начиная от понятий социального престижа, и заканчивая формами персонификации с растворением в определенных статусах. Качественный механизм погашения не отличается, отличаются формы структурирования субъекта.

Поскольку возможность собственного БВВ возникает только в результате деятельности, то субъект однозначно приписывает данные вспышки не своей имманентной способности, а виду деятельности, дистанцируется от них, стараясь в них не персонифицироваться. Плюс действует механизм сдерживания индивидуальности (никому почему – то не нравится звездная болезнь, когда человек растворяется в том, чему может быть сопоставлен).

Данная группа абсолютно бесплодна в части продуцирования бытия в возможности. Каждый индивидуум управляет общественными парадигмами, но вместе, в целом, эта группа составляет социально – активные элементы, брожение которых может являться закваской для продуцирования нового социального устройства. Наиболее типичные узнаваемые признаки данной группировки – власть (по большей части судебная и законодательная), принуждение, силовое воздействие, то, что называется организованной преступностью. Следует отметить, что группа данных субъектов обретает себя именно в рамках общественных институтов

и поэтому не воспринимает данные вспышки сознания как то, от чего следует отказаться, как несерьезность.

Иными словами, они понимают, что то, чем обладает первая группа далеко не сокровище и не единственная ценность, но альтернативы этому не знают. В то же время за последние века власть везде и повсюду ставит себе задачей улучшение, что вполне может дать право говорить об обратном. Но здесь проблемы решаются в рамках самой проблемы (в границах общественного «круга человека»), поэтому кроме эффекта мультипликатора ничего не получается, положение только ухудшается.

В целом данная группа субъектов может быть отнесена нами к надсмотрщикам над рабами общественных парадигм бытия. Знают, что не рабы, знают кто рабы, но не знают как возможно быть без рабов, не знают даже что охраняют. Узники страха познания.

4. Экзистенциально вопросы смерти всегда решаются с точки зрения подобного в степени отношения к самому себе. Так, нас не волнует смерть других людей так, *как* смерть наших близких. Это подобие, которое характеризуется, как общность по целевой причине, а так же по целостной парадигме реализации. В природе человека – все прощать своим близким (приближенным). Подобие в отношениях с *не – родственным* так же может быть продиктовано сферой движущих причин (единый статус) в той или иной парадигме бытия. Единая сфера реализации и прочее. Все это в той или иной степени обеспечивает подобность организации перехода, а, следовательно, и восприятия людей.

Понятие рождается, прежде всего, как форма защиты перед миром чувственного, перед миром пугающего и озвучивающего во всем и вся. Понятие смерти не исключение. Смерть общественное понятие, продуцированное общественным бытием возможности, и потому само по себе находится вне формы влияния личности. Не будучи прочувствованно ни одним человеком в рамках тех парадигм, которые и создают личную уверенность (многократное повторение, изменение по бытию в возможности в процессе реализации и прочее), оно остается неизменным для любого индивидуума на протяжении осуществления им функции приобщения, реализации, восприятия БВВ любого уровня.

Удивительна так же общность реагирования на понятие смерти любой эпохи и любой формации. Смерть центральная тема религий, верований, страхов, социальных устремлений, отношение к смерти является побуждающим мотивом и прочее. Даже при поверхностном анализе смерть предстает как форма движущей причины любого действия и стремления человека. Не говоря уже о физиологических реакциях ощущения смерти. Начиная от форм сексуальной активности и заканчивая проблемой личной судьбы, обозначенной Карлом Юнгом.

Понимание смерти выступает как меритель меры, и как самая острая форма спекуляций на тему человеческой жизни. Как некоторый ценностный ориентир.

Можно выделить следующие признаки, анализ которых неизбежен при столкновении с данным понятием.

1. *Имманентность сознанию.* Человек становится именно тогда человеком, когда он осознает конечность существования того, что он понимает как собственное «я», того, с чем он себя персонифицирует. Изначально понимаю, что «что – то существует», затем знаю *что* существует, затем понимаю что я существую, затем понимаю, *что* не существует, и одновременно понимаю качество существования- ограниченность, предельность и так далее, в том числе и самого себя.

2. *Имманентность любым неизменяемым формам БВВ (априорность).* Смерть как форма понятия, как бытие в возможности рождает необходимость времени, необходимость поведения, необходимость совершения целого ряда ритуалов, обеспечивающих не наступле-

ние первичных признаков того, что принимают за смерть (питание, здоровый образ жизни, мирное поведение и так далее, вплоть до организации государства).

Подобное рождает подобное. Ничто из того, что связано со смертью не во власти человека. Все гарантии от смерти находятся за пределами власти человека, они расположены в кругу того, что не может зависеть от отдельно взятого смертного человека. Иначе они теряют смысл, человек внезапно смертен. Все, что служит формой защиты от смерти, помещается в область недостижимого, становится антивстречным и антиподобным человеку, требует от него служения и не участия, не персонификации ни под каким предлогом. По сути, любое понятие, которое неподвластно личному сознанию в своем генезисе принадлежит функциональности защиты от смерти.

Чем меньше человек боится смерти, тем меньше степень защиты этих общих понятий, гарантирующих не наступление смерти (сначала уходит божественность и сакрализация, затем стираются образы неизвестного, затем и мир вещей приобретает совершенно другой вид), тем больше индивидуальность беззащитна перед враждебностью общественного.

3. *Абсолютная верификация бытия.* Наличие смерти может быть проверено человеком в любой момент его существования. При этом знание о смерти в индивидуальном переходе БВВ в БВД приобретено быть не может. Человек лишь достоверно знает о том, что есть смерть, исходя из соответствующего подобия и встречаемости в отношении тех, кто уже умер.

Чем меньше, уровень подобия и встречаемости, чем дальше смерть от познающего субъекта в отношении него самого, тем меньше участие его личного «я» в познании того, что есть смерть. Смерть животного сегодня нас абсолютно не страшит, мы вытеснили ее кухнями, холодильниками за пределы подобия и встречаемости самое себя, смерть не – человека, выродка и изверга, «врага народа», «не гражданина Рима», так же не встречна и не подобна нашему «я», – не одна «Империя зла» была построена на этом.

Верификация существования смерти проходит именно в рамках логического незнания и чувственного стопроцентного знания. Пока есть человек нет смерти, когда есть смерть – уже нет человека (Эпикур). Сравните: *энтелехия отличается тем, что пока есть становление нет ставшего, когда есть ставшее нет уже становления (Стагирит)*. Это обратная парадигма, которая отражает и обратную картину времени в отношении индивидуального и общественного.

Новорожденный ребенок наиболее далек от смерти, чем старик. Соответственно, расцвет и сила жизни в рождении (античные софисты). С точки зрения общественной парадигмы бытия время представляется как «прошлое- настоящее – будущее», с точки зрения парадигмы индивидуума «будущее- настоящее – прошлое». То есть образ – реализация в форме энтелехии – ставшее. При этом время как необратимое движение, как в прошлое, так и в будущее, в зависимости от того участвуешь или не участвуешь в реализации какого – либо бытия в возможности.

Соответственно, для человека бытие в возможности смерти является единственной формой существования, *смерть существует для человека только как бытие в возможности*, пока человек способен воспринимать БВВ, персонифицироваться в нем, осознавать его.

Существование данного бытия в возможности для человека – будущее, он знает, что ему предстоит умереть. То есть бытие в возможности определенно реализуется в отношении него с необходимостью. Доказанность данной схемы абсолютна, как благодаря общественному бытию в действительности, так и отчасти слабости познавательной способности человека (за исключением гениев преодолевающих, хоть и неосознанно знание о смерти, возможны так же варианты приобщенности к действию, но это аномалии исключенности сознания, которые не сохраняют своей жизнеспособности). Жизнь человека это вечный приход к смерти, движение к тому, что должно быть, реализация идеи, бытия в возможности, реализация смерти. Безумная идея, неправда ли? Может запросто свести с ума. И здесь подробнее. Ни одна веч-

ность не длится больше жизни человека? Это правда. Но человек именно потому и создал себя, создал цивилизацию и прочий сонм игр, ибо, как только он осознал свою конечность, как он живет и к чему стремится с той же необходимостью, что и река в море, – существование его стало невыносимо, оно стало обреченным, *оно стало смертельным*. И, наконец, завершение – факт смерти. Пока есть становление, нет ставшего, когда есть ставшее – нет становления. Пока нет ставшего (реализация бытия в возможности под названием смерть) есть становление – жизнь человека, его бытие, когда есть...

Смерть как вечное будущее как вечная форма осуществления. По сути, у человека в этом отрезке есть нетерпимое настоящее. Будущее (смерть) – настоящее (от рождения и до смерти) – прошлое (для человека ничего, для общественной парадигмы именно прошлое). Именно здесь и происходит сцепление общественной парадигмы времени и личной – в области прошлого для человека. То что, в индивидуальной парадигме есть прошлое, для общества всегда будущее. На примере смерти это прекрасно видно. И именно эта перевернутая парадигма, как нельзя лучше, скрепляет абсурдность мира, превращая ее в логику абсурда.

4. *Абсолютная универсальность*. Смерть не является относимым бытием в возможности, оно не меняется в зависимости от того или иного сочетания в парадигме познающего субъекта. Существование в рамках общественного бытия в возможности носит абсолютно необходимый характер и применяется к абсолютно любым формам познания. Фактически смерть как понятие, как бытие в возможности, синкретично познающему субъекту. Более того, является некоторым критерием чистоты самого познания. Иными словами, то знание, которое не содержит в себе предела абсолютной конечности или бесконечности (противовес, исключающий сами условия возможности бытия смерти – защитный механизм) не воспринимается как полное и достоверное.

Нет ничего, что исключало бы ограниченность, предельность при помещении в схему субъекта познания.

Само по себе БВВ корреспондированно абсолютно персонифицированному кругу лиц. Отсутствие данного БВВ в сознании индивидуума воспринимается как ущербность, автоматически исключает его из круга человеческого (психически больные люди и прочие, пользующиеся только внешними формально – юридическими правами).

5. *Абсолютно самореализующееся БВВ в части перехода в действительность*. Сила игры такова, что человек уже давно символизировал смерть. Смерть – это уже символ, который воспринимается помимо сознания, по факту элементарной перцепции. Именно данные ошибки перцепций и создали необходимость медицинского освидетельствования на предмет смерти (об этом же и производство в суде о признании умершим). Человек видит смерть себе подобных и знает что это смерть, восприятие является уже самореализованным, смерть предстает именно как самореализующееся бытие в возможности в рамках бытия в возможности отдельного человека. Но для этой реализации достаточно полной утраты того функционального набора, который может позволить быть встречным и подобным тем, кто еще жив. Отсюда, пожалуй все наши мифы и призраки – от большого желания отнять у смерти конец встречности и подобия.

Сознание однозначно идентифицирует *что – то* как смерть и сделать с этим сегодня уже практически ничего нельзя, это мульти – миллиардами раз отшлифованная перцепция, которая именно так формообразует бытие того, кого мы называем умершим. Персонификация, как по общественному бытию в возможности, так и по индивидуальному ничем не отличаются друг от друга, это тот случай, когда индивидуальное сознание полностью замещается общественным бытием в возможности.

Христианству удалось сломить данную структуру реализации смерти, расширив бытие в возможности самой жизни, уникальность результатов подобной парадигмы организации материи известна каждому.

5. Смерть – вещь в себе для человека, природа не терпит пустот, для бытия в возможности это верно вдвойне. Сама структура нашего сознания, нашей парадигмы бытия обязана этой пустоте подлинного сознания, всему мы обязаны этой вещи в себе. Все наши поиски истины, все наши стремления к достоверности, все то, что вечно и всегда остается без удовлетворения, но при этом всегда желанно в своем стремлении быть достигнутым, – все это от желания знать, знать лично, а не с чужих и согласованных слов, что же такое смерть. Человек наполняет это понятие в действительности всем, что обретает в самое себя, всем тем, что он есть, лишь бы сделать это бытие в возможности известным до того, как оно реализуется в отношении него самого. Каждому, кто стоял у черты познания известно, что спасения от вопросов нет, однажды узнав, что эта сумма вопросов существует относительно тебя и для тебя, остановиться уже невозможно.

Смерть остается пределом познания, неразрешимостью. Поэтому защитные механизмы срабатывают по принципу подобия и встречности, человек ищет всего, что подобно ему, всего, что утверждает и доказывает его существование. Существует только то, что названо, что есть для меня и созвучно мне как познающему субъекту. Вне этого нет ничего, вне этого узкого круга известного и апробированного мной, – нет ничего, кроме тождественной смерти неизвестности. Так рождается право на борьбу за жизнь, так рождается социально действующий субъект, который начинает спасать себя от бытия в возможности, раз им увиденного. Человек как вид животного появляется незащищенным и ужасно слабым, смерть преследует его всюду, она не могла не сделать *из него* человека. Он постоянно находится в страхе быть съеденным, тем самым ужасным способом каким это делают другие животные, ужасно, сжевывая живую плоть такого же как и я. Смерть как БВВ, как необходимость была рождена задолго до коммуникативного, до того как можно было *мыслить вне себя*, мыслить звуками, мыслить речью.

Цивилизация как форма защиты развивается стремительно, не менее стремительно развивается и внутренние способности человека. Это именно лихорадка жизни, желание быть, желание доказать, что это жизнь может быть стабильной, может быть лишена смерти. Смерть играет роль необходимости известности, начинается включение внешнего мира в орбиту известности, в орбиту управляемости, в орбиту воли к власти над вестниками смерти, начинается гонка за право выжить, пережить и обмануть. Знание о том, что существуешь ставит вопрос о качественном существовании, появляется желание перенести себя за грань этой Необходимости.

Как только смерть превращается не в факт, а в возможность, которая к тому же может произойти внезапно... начинается формирование системы ценностей, где стоимостным ориентиром является все то, что отдаляет от смерти, гарантирует ее отсутствие, это и убежища, и орудия защиты, и сегодняшний комфорт и уют дома. Все начинает оцениваться как форма защиты, и так далее. Ценности становятся многоуровневыми, обслуживающее- параллельными. Начинается развитие.

Интересно так же и то, что когда человек понимает причинно-следственную связь со смертью (увечья, болезни и прочее) зарождается медицина. Формируется негативная форма возможности, появляется необходимость в том, чтобы знать...

То, что мир устроен так, как устроен – прекрасно, но это было прекрасно раньше, до того как произошла смена понятий и утрата первичного смысла формообразованного бытия в возможности. Сегодня – много лишнего в наших знаниях и представлениях – пора бриться.

Общество с успехом преодолело смерть. Все то, что составляет государственные и прочие институты полностью лишено фактора случайного влияния, человек ничего не знает, для общества, он бесценен. Человек всегда искал то, что неподвластно смерти- символы океана, звезд, богов и прочее. *Нашел же он вечное только в создании системы общества, государства.*

Во всем том сознательном, что эксплуатирует вынесенность смерти за пределы действительного, в забывании области разумного...

14. О природе честности

Принцип и сущность честности как качества любого действия, включая мыслительный процесс, достаточно просты, чтобы их можно было так долго не замечать. «Честность» как атрибут действия возникает только там, где бытие в возможности (БВВ) реализуемое в действительность, воспринимается как сугубо личное, принадлежащее (находящееся, закрепленное) только за субъектом реализации. Отсюда можно классифицировать категории «честности» как относительность свойства любого самодостаточного бытия:

1. Первая группа отношений наиболее распространенная, на ней, если можно так выразиться, «держится мир»; это группа отношений, где общественное бытие в возможности (ОБВ) воспринимается людьми как сугубо личное посредством причастности. Форма восприятия похожа вообще на правовую систему, где общее понятие права (например, частного права) являет собой мнимое общественное (мнимое только потому, что общественное как атрибут общества, есть лишь функциональный атрибут любой мыслительной деятельности), регулируемое в сугубо личных правомочиях собственника.

Данную группу игр, можно назвать самой распространенной, эффект создаваемой лжи можно обозначить в форме нравственности вообще и морали в частности.

Важным моментом здесь является то, что человек воспринимает ОБВ сквозь собственное «я» (все то внутреннее, которое он не озвучивал никому, а потому по древним принципам мифологии считает неизвестным никому кроме самого себя), его Это есть часть этого ОБВВ, он принадлежит современному и потому подчиняясь ему структурирует свое бытие во времени и пространстве сквозь серость и уныние вечных ритуалов, постулирующих догмы ОБВВ, находя удовольствие в совпадении своих частных желаний с общими догмами, и соревнуясь не с мирозданием, а с качественными результатами субъектов реализации (коллег, друзей, близких, исторических личностей и тому подобное). По критериям масштабности – это наибольший комплекс парадигм с одинаковой (в общем плане по шкале индивидуальности) степенью алеантности.

Осознай здесь человек, что можно мыслить по другому, что его столь естественные эмоции есть продукт уже тысячу лет точно таких же складированных форм эмоционального реагирования, и наступит переоценка ценностей, он по – новому начинает формировать (а не воспринимать и отрабатывать корреспондируемое ему) БВВ. Основание честности здесь именно «свое» восприятие.

2. Вторая форма, это то, что в обществе, как правило, воспринимается как девиация. Здесь точно такой же механизм, с одной лишь разницей, что к данным формам относятся те, чье БВВ составляет творческое начало.

Рассмотрим это на трех примерах: преступление, предпринимательство в самом широком смысле этого слова, творчество.

Преступление. Природа преступности заиклена на реакции БВВ, которое, достаточно многими разнообразными по форме способами, корреспондированно личности, и которое реализуется в такую форму (реализация, то, что называют преступлением) только при достаточной уверенности в своих силах и своей правоте. Здесь налицо элементарнейший конфликт противоречий. Но отметим форму честности, например, преступной честности. Мы здесь не будем касаться общих начал структурирования времени и пространства, а скажем лишь об одной особенности: форма реакции, которая в конечном счете продуцирует атрибутивно – качественную сторону поступка, честность, совпадает полностью с первой группой игр. Преступник никогда не будет совершать действий, неодобряемых в преступной среде (жесткость тюремного

уклада), в этом проявляется его честность по отношению к системе принятых и воспринятых им правил (БВВ). Опять же неизменным атрибутом здесь является сугубо личное восприятие, которое выражается в осознании опять же своей сугубо – личной причастности к определенному кругу. Без этого честного поведения не бывает, это в среде «преступников» воспринимается как нарушение правил и норм принятого поведения и карается.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что честность здесь является опять же неотъемлемой частью процесса реализации БВВ в БВД, которое есть высший фактор определения надлежащего результата.

Бизнес. Человек, который умеет сам зарабатывать деньги – никогда не будет их воровать. Вор воспринимает каждый чужой заработанный доллар как личное оскорбление, но никогда не дотронется до наворованного его собратьями (срабатывание принципов встречности и подобия), так и бизнесмен, который умеет сам зарабатывать деньги никогда не станет их воровать, ибо заработок денег опять же воспринимается им как сугубо – личное качество, достоинство, благодаря которому он и есть то, чем он желает быть (структурирующее начало). Он может урезать зарплату, быть жестким, но все эти меры должны работать на него (вплоть до обмана и ведения стратегической войны с конкурентами), но никогда он не дойдет до воровства (грубого нарушения правил).

Творчество. Творческий человек, который действительно творит – наиболее требователен к самому себе, к чистоте *своих* мыслей, уцелев в самой жуткой ситуации общественного соблазна, он не позволит себе даже самого безобидного плагиата, а если таковой даже случайно и обнаружится им, то содержание его творческого будет им же однозначно забраковано. Каждая мысль, которая проходит через него и ложится на бумагу, необходимо должна быть трансформирована и переплавлена в горниле его разума. Если этого нет, нет и творчества как такового. Именно это, пожалуй, часто воспринимается как причина неповторимости и оригинальности стиля (хотя все мы по содержанию говорим об одном и том же, просто доносим это на разных волнах звучания), в то же время творчество – следствие девиантного БВВ, которое реализуя самое себя все больше требует свободы, освобождения от всего, что не принадлежит к нему самому.

Подводя итог второй группе, необходимо подчеркнуть, что здесь возможно производить дифференциацию различий, прежде всего, в силу того, что все игры, входящие во вторую группу представляют собой менее значительные комплексные образования, дифференцированные по своему содержанию, в противоположность монотипности первой группы, характер которой обычно задается эмоциональными системами, структурирующими Метод формообразования БВВ (например, христианство, буддизм и прочее, плюс все государственные идеологии, а так же когнитивные системы с пометкой «человеческие вечные истины»).

3. Третий комплекс игр (парадигмы) наиболее интересен.

Определяя честность как показатель чистоты реализации БВВ в БВД (степень соответствия целевой причины материальной в самом процессе реализации, то есть движущей причине, а такая ситуация возможна благодаря тому, что игра уже приобрела форму навыка и по сути представляет собой мета- игру, в которой полностью действует принцип – *качество игровых действий, направленных на формирование материи определяет качество формы материи*) мы выделяем 3-ю группу игр. Это та группа, где субъекты реализации бессознательно не способны формообразовать реальность (создать замкнутую парадигму БВВ – БВД) в силу недостаточного восприятия, как самого БВВ, так и отсутствия способности быть игроком. Таким образом здесь дело идет о способности к субъектности, о том, что процесс реализации не носит игрового характера, а представляет собой тупое следование инструкции того или иного рода, заданной необходимостью повседневности. Речь идет об играх, в которых присутствует постоянная «оглядка» на будущее, где «здесь и сейчас» воспринимается как менее

реальное, по отношению к желательному в будущем или по тому, что было в прошлом. Именно к этой группе игр применимо выражение «пока ты знаешь, что ты лжешь ты честен». Это то, что принято называть «не нашим, не вашим». Иными словами, – постоянная аморфность с правкой ненастоящей жизненности и предубеждением против всего доходящего в самом себе до предела.

БВВ здесь, представленное постоянно замещающимися образами, крайне нестабильно, выбор масок носит несознательный и бессознательно повинующийся характер. Это та самая серость, в которой пребывает большинство людей, старость которых приходит всегда с большой сумой вопросов, ответом которым служит только смерть.

Сами субъекты реализации являют собой более воплощение предметной стороны энтелехии (это уже даже не средство, а одушевленное орудие – служащий, лишенный личного, самодостаточного, зашоренный общественно-обязывающим).

Соответственно, честность (сознание собственной честности) уступает место оценке со стороны качества реализации БВВ в БВД.

Примечание. Следует отметить, что первая и третья группы могут достаточно приемлемо сосуществовать, например, частная жизнь по схеме 1-й группы и работа, публичность по схеме 3-й группы. Вторая более самодостаточна во всех отношениях.

Первая и вторая различаются лишь характером реализуемых и воплощаемых 4-х причин, в то время как 3-я всегда есть формирование 1 причины. Третья группа – это группа слабых, которые не в состоянии реализовать БВВ в личном соответствии с предписаниями формальной причины. Именно поэтому в данной среде наиболее вероятен процент предательств.

Честность – форма восприятия степени реализованности БВВ в БВД как в процессе самой энтелехии, так и по факту завершения (творчество, девиантные формы игр).

Выделим сущностные характеристики данной формы восприятия:

1. Производится только в рамках той игры, которая воспринимается;
2. Для оценки необходимо детальное знание БВВ игры, и соответствующего этому БВВ БВД, в форме поведения, или конкретного результата.
3. Оценка производится только в случае конкретного начала, то есть когда субъект, игра которого оценивается, не структурирует сам БВВ. В противном случае он выходит за рамки определения честности (ведь это общественное «понятие – цербер»), перемещаясь в сферу своего мира, где только он и может определить, что есть честность, а что нет только в отношении себя самого.

Честность рождена как форма внутреннего восприятия при неукоснительном следовании алгоритму реализации, при том, что структура данного алгоритма привнесена извне в сознание человека, но воспринимается им как глубоко личное, именно поэтому и возможен обратный процесс, главное проявить волю и верить в себя до конца, тогда все будет *по – честному*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.